

РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ, ОБЗОРЫ

Е.В. Андрюшина

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В эпоху классической государственно-центристской системы мира взаимодействие участников международных отношений не было простым и случайным. Государства всегда образовывали коалиции, союзы, блоки и т.п. и тем самым упорядочивали свои взаимоотношения, однако предсказать итог развития было крайне трудно. Еще сложнее стало в современных условиях, когда эффект действий на глобальном уровне становится на несколько порядков менее очевидным.

В целом деятельность новых транснациональных акторов — серьезный вызов государствам и государственно-центристской системе мира. Однако отношения, которые складываются между традиционными и новыми участниками на мировой сцене, далеко не однозначны.

Часто наблюдается сотрудничество государств и новых транснациональных акторов. Например, при урегулировании внутривнутриполитических конфликтов привлекаются международные неправительственные организации (НПО), бизнес-структуры. Здесь интересы многих участников нередко совпадают. Так, государства могут быть заинтересованы в снижении напряженности в какой-то точке планеты, поскольку конфликт угрожает перекинуться и на их территорию. В свою очередь для бизнеса конфликтная область — препятствие для ведения дел, зона нарушения транспортных коммуникаций, повышение политических рисков на близлежащих землях. Для ряда НПО урегулирование конфликта отвечает их уставным документам.

Разумеется, одновременно могут существовать бизнес-структуры, группы интересов в государстве и т.д., для которых развитие конфликта, напротив, выгодно. Тем не менее при домини-

---

Андрюшина Евгения Владимировна — кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

ровании заинтересованных в урегулировании спора участников сотрудничество во многом строится на том, что многообразные акторы обладают различными преимуществами. Например, НПО в ряде случаев оказываются более гибкими и менее бюрократизированными структурами, чем государственные. В отличие от официальных посредников НПО в большей степени ориентированы на работу с массами и порой получают информацию, которой нет даже у официальных посредников, представляющих государства и межправительственные организации. Одновременно к их слабым сторонам относится то обстоятельство, что при действиях на уровне отдельных общин НПО нередко с трудом видят целостную картину конфликта. Кроме того, вовлечение в конфликтное урегулирование слишком большого количества НПО порождает сложности, связанные с их сотрудничеством, выработкой единой программы. Здесь официальная дипломатия государств и МПО оказывается эффективнее. В результате происходит развитие не только многосторонней дипломатии (multilateral diplomacy), подразумевающей включение более двух государств в решение проблемы, но и многоуровневой дипломатии (multilevel diplomacy), когда вопрос решается при взаимодействии различных государственных и негосударственных акторов.

При взаимодействии на мировой сцене государства используют новые ТНА для получения информации, дополнительных финансовых средств (например, через «гибридные образования») и т.п. В свою очередь ТНА через государственные структуры лоббируют свои интересы.

Иногда для решения отдельных задач государства создают или участвуют в образовании тех или иных ТНА. Возможно, что сначала неправительственная организация формируется при поддержке своего или внешнего государства без намерений сделать ее транснациональным актором. При этом ее создатели исходят из того, что она непременно будет «ручной». Однако впоследствии они порой сталкиваются с тем, что образованная при их поддержке организация не только выходит из-под контроля, но и направляет усилия против своих же «родителей». Один из случаев — «Аль-Каида». В менее драматичном варианте государство, например, выходит из межправительственной организации, учредителем которой было изначально.

Не менее очевидны и различные варианты конфронтации государств и новых ТНА, столкновение их интересов, а также противоречия в интересах между различными ТНА. Пример деятельности антитеррористической коалиции, состоящей из группы государств, против террористической организации «Аль-Каида».

ды» — один из наиболее явных. Однако существуют и другие случаи без применения силы. Так, «Гринпис» неоднократно выступал против проведения ядерных испытаний, строительства гидроэлектростанций и т.п. ТНК может быть заинтересована в строительстве того или иного производства, в то время как экологические НПО яростно выступают против. Кстати, экология — это сфера, на примере которой особенно четко прослеживается переплетение интересов различных акторов, — тех или иных государств (в том числе групп интересов внутри них), разных корпораций, НПО и т.п.

Наконец, нетрудно представить и случаи параллельной деятельности, когда государства, а также какие-либо новые ТНА работают одновременно, но стараются не взаимодействовать, четко отслеживая поведение друг друга.

Очевидно, что типов и разновидностей взаимодействия на мировой сцене государств между собой, с ТНА, одних транснациональных акторов с другими множество. Более того, неправительственные организации хорошо адаптируются к национальным условиям, поэтому, например, «Данон» в России отличается от своей материнской французской компании, но она также не похожа на аналогичные российские компании.

Сложность взаимодействия не исчерпывается лишь парадоксом, сформулированным М. Николсоном, суть которого в следующем: чем меньше количество участников на мировой сцене и чем более они однородны, тем легче предсказывать их действия с последствиями. Сами же акторы на мировом уровне не просто разнородны, а отличаются по многим параметрам, подвержены внутренним изменениям, вступают во множество отношений и типов взаимодействий друг с другом. С учетом феномена «сжатия времени» в современных условиях все эти процессы оказываются не только сложнопрогнозируемыми или просчитываемыми, но иногда и с трудом отслеживаемыми.

Сегодня международные организации сталкиваются с тем, что изменения, происходящие в мире, требуют новых подходов в деятельности самих МПО. Некоторые исследователи ставят вопрос о том, насколько МПО, созданные в период холодной войны и действующие на основе документов того периода, способны адекватно реагировать на новую ситуацию в мире. В частности, экономические успехи таких стран, как Германия и Япония, побуждают их проникнуться мыслью о реформировании ООН для изменения своего статуса в ней. В то же время, например, включение Германии и Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН порождает другую проблему, связанную с усилением влияния евразийского континента в ми-

ровой политике. При этом Африка и Латинская Америка со множеством стран оказываются не представленными в качестве постоянных членов СБ.

Тесно связана с данной темой и проблема неоднородности членов международной организации. Одни государства обладают большими политическими или финансовыми возможностями, другие — меньшими.

Отчасти она решается путем создания коалиций государств для согласованных действий в целях усиления своего влияния.

Есть и другие вопросы. Развитие МПО, сходное с аналогичным процессом в любой иной организации, нередко сопровождается умножением кадров и бюрократизацией, дублированием функций как внутри МПО, так и между ними в результате их численного разрастания. Аппарат оказывается неспособным оперативно решать задачи, стоящие перед организацией. В результате МПО становится малоэффективной. Кроме того, решения межправительственных организаций далеко не всегда хорошо исполняются, а то и вовсе игнорируются. Подобное может случиться, например, когда ряд государств не участвует в работе МПО или исключен из нее.

Некоторые исследователи выделяют в рамках МПО политические движения группы стран. В таком качестве выступают Движение неприсоединения, «Группа-77». Первое возникло в 1950-е гг. по инициативе коалиции стран, в большинстве своем развивающихся, которые объединились с тем, чтобы отстаивать общие интересы, в том числе связанные с национальным прогрессом, и избегать втягивания в конкурирующие блоки сверхдержав. «Группа-77» тоже была сформирована в основном представителями развивающихся государств. Это движение возникло в середине 1970-х гг., когда подобные страны объединились и предложили проведение экономических реформ ради преодоления разрыва между отсталыми и передовыми государствами.

При характеристике современных механизмов регулирования международного порядка можно констатировать, что за последние 10—12 лет была осуществлена реорганизация глобальных структур мироуправления таким образом, что наряду с универсальными сложились и менее формальные структуры, влияющие на международную политику. Примером может служить «группа восьми». К началу XXI в. эта полуформальная коалиция наряду с НАТО по практическому взаимодействию стала вровень с ООН. Неформальная ветвь была эффективнее в принятии решений. Старые члены «восьмерки» представляют собой однородные в политико-идеологическом и экономико-социальном от-

ношениях государства и им проще «притирать» свои интересы, чем разнотипным субъектам, составляющим большинство ООН.

Другим преимуществом механизма «неформального регулирования» до начала XXI в. была его замкнутость на военную организацию НАТО. ООН не имеет собственных вооруженных сил, поэтому любое потенциальное решение СБ о силовых санкциях грозит перерасти в громоздкое согласование. Старые члены «восьмерки», напротив, в принципе могут мобилизовать свои военные ресурсы быстрее, руководить ими слаженнее и применять в собственных политических интересах. Раскол в НАТО, произошедший в 2003 г. из-за Ирака, пока еще остается единственным, хотя многозначительным инцидентом.

Правда, страны НАТО и Япония предпочитают по возможности действовать с санкции ООН, но получение мандата ООН, как показал опыт конца 1990-х — начала 2000-х гг., не является «категорическим императивом», если речь идет об интересах США или группы стран НАТО.

Особой проблемой является вопрос о реформировании ООН. Затянувшееся обсуждение этой проблемы не дает позитивных результатов. Оно привело лишь к тому, что разговоры об устаревании ООН и ее неадекватности современной ситуации в мире стали рефреном речей и текстов на ооновские темы. Острые критики направлены против Совета Безопасности, внутри которого, в соответствии с Уставом, сохраняется преимущественный статус ограниченного круга пяти постоянных членов, обладающих привилегией вето на рассматриваемые решения. Соответственно предложения о реформе так или иначе концентрируются вокруг возможности увеличения числа постоянных членов СБ (за счет принятия в него некоторых других крупных держав, например Индии, Германии, Бразилии, Японии и т.д.) и смягчения консенсусной формулы принятия решений таким образом, чтобы по крайней мере некоторые вердикты СБ принимались простым большинством без учета согласия или несогласия всех пяти постоянных членов.

Дискуссия о неадекватности ООН работает на «моральную делегитимизацию» этой организации и основанной на ней системы мирополитического регулирования. Международное общественное мнение подготавливается к вероятному внесению тезиса о непригодности ООН для выполнения регулирующих функций в международных отношениях и о неизбежности передачи ее роли каким-то другим механизмам.

Ситуация становится еще сложнее в начале XXI в. Во-первых, в результате сближения России и США после сентябрьских событий 2001 г. меняется ситуация внутри «группы восьми». Рос-

сиейская Федерация и до того уже была довольно тесно связана с США и западноевропейскими странами для полноценного участия в работе этой группы. Но все же она была недостаточно интегрирована в систему партнерства с Западом, чтобы западные страны рисковали привлекать ее к обсуждению ключевых военно-политических решений ввиду консенсусной формы принятия решений в «восьмерке». Фактически вхождение России в «группу восьми» несколько уменьшило эффективность ее работы как органа, конкурирующего с ООН.

Во-вторых, приход к власти в США в 2000 г. республиканской администрации Дж. Буша-младшего повлекло за собой изменение отношений внутри группы наиболее развитых стран.

Американская администрация начала отход от характерной для последних десятилетий XX в. политики «многостороннего согласования», которая подразумевала выработку политических решений и их осуществление согласованно и совместно со всеми своими главными союзниками. Вместо этого Вашингтон стал тяготеть к принятию решений в одностороннем порядке, скорее информируя партнеров о своей позиции, чем советуясь с ними. В наиболее острых ситуациях американская администрация проявляла склонность заручаться лишь формальной поддержкой союзников, фактически кооперируясь только с немногими избранными из них. Групповая солидарность, типичная для западных стран в эпоху биполярной конфронтации, размывается и становится избирательной.

Вследствие этого наряду с двумя ветвями механизма регулирования международного порядка — универсальной (ООН) и институционально-групповой («восьмерка» + НАТО) в мире стали проступать контуры третьей ветви — индивидуально-групповой, представленной прежде всего США, и при необходимости узкой коалицией избранных ими под реализацию конкретной цели стран, независимо от формальной институционально-групповой принадлежности последних. Ситуативные коалиции США с Великобританией и Россией во время второй афганской войны (2001—2002) и американо-британская военная коалиция против Ирака в 2003 г. — примеры регулирования международного порядка посредством третьей ветви.

В инструментарии санкций за нарушение порядка в современных международных отношениях по сравнению с периодом биполярности тоже заметны изменения. Внешне картина выглядит на первый взгляд так, как будто регулирование международных отношений при помощи норм права становится все более важным. Но на самом деле, как представляется, реальность оказывается сложнее. В начале XXI в. наряду с ростом внима-

ния к правовому регулированию международного порядка развивается тенденция не к ограничению использования силы, а наоборот, к расширению сферы ее применения и повышению интенсивности силовых акций именно под предлогом внедрения новых норм и правил международного поведения.

После Карибского кризиса 1962 г. в международных отношениях наступил период преобладания политико-дипломатических методов регулирования. Во второй половине 1970-х гг. он сменился эпохой преимущественно экономического регулирования. Затем вскоре после распада СССР приблизительно с середины 1990-х гг. начался продолжающийся до сегодняшнего дня период «возвратного» преобладания упорядочивающей роли силы.

Остается разобрать вопрос о режиме, в котором реализует себя современный международный порядок. Речь идет о совокупности форм, методов и приемов, которыми пользуются основные субъекты международного регулирования. Несмотря на высказываемые мнения об авторитарном характере современного порядка, эта характеристика не дает представления о его особенностях.

Вплоть до начала 2003 г. и возникновения разногласий из-за Ирака между странами НАТО режим, который регулировал международный порядок, строился на принципе «навязанного консенсуса». Действуя по этому принципу, США стремились во что бы то ни стало обеспечить поддержку своим наиболее важным международно-политическим акциям со стороны всех американских партнеров, включая, судя по практике последних 12 лет, и Российскую Федерацию.

Американская дипломатия экономно расходовала ресурсы. Во-первых, Вашингтон старался не допустить расширения списка «несогласных» и даже враждебных стран. Число официально поименованных Вашингтоном «неблагонадежных» стран было и остается небольшим. Американская администрация успокаивает международное сообщество, подчеркивая: круг «стран-изгоев» узок и применение силы против них не повлечет обширного конфликта. Во-вторых, США дорожат единством в рядах дружественных стран. Вашингтон старается избегать дипломатических схваток с партнерами, стремясь привлечь их на свою сторону уговором, посулом, соблазном и только в самом последнем случае — жестким остережением. При этом США экономят дважды: уменьшая сопротивление со стороны внутренней оппозиции в союзных рядах и одновременно перекладывая на них часть бремени по осуществлению подсунутых им решений. Американская дипломатия научилась навязывать «вольным и

невольным партнерам» свои варианты видения международных проблем таким образом, что это почти в самом деле выглядит как принятие решений консенсусом на основе взаимных уступок, компромиссов, согласованных шагов.

США все шире применяют «стратегию вовлечения», терпеливо и последовательно втягивая бывших и потенциальных соперников в отношения сотрудничества с собой, превращая их в партнеров, пусть «упирающихся», «несогласных», не во всем надежных, но партнеров, а не противников. В этом смысл политики «навязанного консенсуса». Международный порядок, на деле будучи однополярным, может выглядеть воплощением лидерства не Соединенных Штатов, а группы — «восьмерки» наиболее влиятельных и ответственных стран мира.

Китай, Россия, страны Европы, объединившиеся в политически разобщенный Евросоюз, на региональных уровнях стремятся отстаивать автономию своих действий по отношению к США. Но на глобальном уровне они не могут и не пытаются всерьез соперничать с США за влияние в международных делах, хотя все они в разной мере встревожены и раздражены чрезмерным усилением роли Вашингтона и стремятся найти способ умерить американские амбиции.

Американская элита пока не проявляет беспокойства по поводу подобных настроений. Наиболее сильные государства мира — от Китая и России до Германии и Франции — вовлечены в отношения торгово-экономической и финансовой взаимозависимости с Соединенными Штатами, и разрыв связей с Вашингтоном никому из них не выгоден. Критикуя США, они одновременно удерживают свои разногласия с ними в контролируемых пределах.

Изменения, связанные с деятельностью новых ТНА, принципиальны с точки зрения последствий. По сути дела происходит не просто структурная перестройка политической системы мира, а ее смена, переход к принципиально новым политическим отношениям на мировой сцене. Оттого и меняется вся политическая повестка дня, в том числе такая ключевая проблема, как безопасность и угроза терроризма. В этом плане события 11 сентября 2001 г. не изменили мир, а проявили те сдвиги, которые происходят на протяжении последних десятилетий, продемонстрировав, в частности, роль новых ТНА в сфере безопасности. Одновременно безопасность перестает быть заботой только государства.

Акции террористов в различных точках земного шара продемонстрировали следующие моменты:

- мир потерял «гаранта» безопасности в лице США;
- широкий спектр политических и технологических факторов в сочетании с процессами глобализации привел к появлению террористических организаций, действующих вне поля международного права;
- современные террористы действуют на глобальном уровне;
- в свете новых вызовов мировой безопасности выявилось, что все институты — национальные (вооруженные силы, полиция, спецслужбы) и международные (ООН, ОБСЕ, НАТО...) — не способны потивостоять терроризму.

В условиях терроризма нового типа традиционные подходы к международной безопасности утрачивают смысл. Приоритетными направлениями борьбы с международным терроризмом являются устранение баз подготовки боевиков, пресечение финансовых потоков, пропагандистская кампания в стиле предложения массам мусульман позитивной альтернативы идее глобальной экспансии исламского мира. Все это — задачи международного характера. Среди чисто военных аспектов анти-террористического характера следует сказать о необходимости структурной перестройки вооруженных сил. Ни Россия, ни США, ни страны Евросоюза не имеют их в достаточном объеме. По оценкам голландского эксперта Р. де Вика, во всех странах НАТО не наберется и 5 тыс. солдат и офицеров, которых можно было бы причислить к Силам специальных операций.

Архитектура борьбы с международным терроризмом строится как на универсальном (создание международной антитеррористической коалиции в рамках ООН), так и на региональном (2001—2002 г. на саммитах Россия — ЕС были приняты совместные документы по международному терроризму) и субрегиональном уровнях (в рамках СНГ в 1999 г. принят Договор о сотрудничестве по борьбе с терроризмом, 2000—2003 г. — принята программа СНГ по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, в 2000 г. создан Антитеррористический Центр, куда вошли все министры обороны стран СНГ).

Изменения происходят также в «правилах» и «нормах» поведения. Разные акторы пробуют свои силы и возможности, в результате чего мир подходит к грани того, чтобы стать «миром без правил».

В целом же когда осуществляются кардинальные политические перемены, прежние закономерности перестают действовать с той очевидностью, как прежде. Ситуация оказывается плохо предсказуемой, с совершенно разными вероятными исходами. Нарастает напряженность, привычные отношения трансформи-

руются, что нередко приводит к параличу процессов принятия решений.

Подобный переход по глубине изменений можно сравнить с процессом формирования Вестфальской системы мира. Кстати, в этом плане интересную параллель между серединой XVII в., когда складывалась Вестфальская модель мира, и концом XX столетия, проводит К. Холсти. Он заметил, что в первом случае Европа, будучи единой по своим культурным, цивилизационным параметрам (после разрешения конфликта между протестантами и католиками), оказалась политически разделенной. Во втором — при крайнем усилении экономической интеграции, в политическом отношении мир представлен более чем 180 отдельными государствами. Если, сопоставляя эти два исторических процесса, принять во внимание, что сейчас идет речь о создании политической системы не только на одном континенте, как прежде, а действительно во всепланетарном масштабе, то очевидно, что сам переход оказывается гораздо более значительным и сложным. Еще большую степень сходства обнаруживают Ч. Кегли и Г. Раймонд: они определили середину XVII в. и конец XX в. как поворотные точки в истории, когда одни модели международного взаимодействия сменяются другими. Для обоих периодов характерны изменения в политической жизни и появление многих новых проблем. Для каждого из них типичны и «столкновение цивилизаций», и «столкновение моральных ценностей», и «столкновение взглядов». Тогда и сейчас наблюдается распад больших национальных образований на более мелкие. Перечень черт сходства можно продолжить.

Если говорить о новых элементах в правилах поведения между государствами, то их характеризуют два постулата — право гуманитарной интервенции и нелегитимность авторитарных режимов. Во второй половине 1990-х гг. в ходе конфликтов на территории бывшей федеративной Югославии (Босния в 1996 г. и сербский край в 1999 г.) США и страны НАТО стали упорно добиваться легализации практики гуманитарной интервенции. Под этим подразумевалось создание цепи прецедентов, санкционированных международными организациями, закрепляющих новую универсальную норму международной жизни. В полной мере этого достигнуть к настоящему моменту не удалось.

В разгар боевых действий НАТО в Косове против Сербии весной 1999 г. руководители альянса стали добиваться делегитимизации правительства Сербии во главе с С. Милошевичем. В 1993 г. по решению СБ ООН (резолюция № 827) в Гааге был сформирован Международный трибунал по бывшей Югославии

для расследования военных преступлений. 22 мая 1999 г. С. Милошевичу было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечности в Косове. Этот прецедент идет вразрез с принципом невмешательства, с основным принципом Вестфальской системы. Сегодня этот принцип оспаривается в основном США и странами Западной Европы.

В 2001—2003 гг. мотивации интервенций расширились. Помимо вмешательств по гуманитарным мотивам США стали практиковать «интервенции возмездия» («пенитенциарные интервенции») и «превентивные вмешательства». Предпринимая первые, США заявили о стремлении «наказать» и одновременно побудить «исправиться» страны, против которых была направлена акция. Начиная вторые, они ссылались на секретные данные спецслужб, по которым государства — объекты вторжения занимались деятельностью, угрожающей безопасности других стран (свержение режима талибов в Афганистане 2001—2002, Ираке 2003 г.). На базе подготовки и проведения интервенций в 2002 г. была разработана новая внешнеполитическая доктрина США — «стратегия смены режимов», предусматривающая выделение «неблагонадежных государств» (например, Иран, Ирак, Северная Корея).

Одной из центральных проблем МПО остается экология.

В конце 1960-х—начале 1980-х гг. экологические проблемы были внесены в политическую повестку дня. Начиная с 1970-х гг. ООН интенсивно занимается проблемами окружающей среды, в 1972 г. в Стокгольме была принята Программа ООН по окружающей среде (United Nations Environmental Programme, UNEP). На «Саммите Земли» (Рио-де-Жанейро, 1992) активно обсуждались такие проблемы, как изменение климата и парниковый эффект. Конференция в Рио отметила важную роль участия общественности и НПО в охране окружающей среды.

На конференции 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата. К 1997 г. ее ратифицировали 166 государств. Развивающиеся страны согласились снизить выбросы в атмосферу к 2000 г. до уровня 1990 г., однако никаких санкций за несоблюдение норм договора не существовало, и в результате лишь Великобритания и Германия действительно снизили выбросы в атмосферу, тогда как США увеличили их на 13% в 2000 г. по сравнению с 1990 г.

По Киотскому протоколу, одобренному 159 государствами, 38 промышленно развитых стран уменьшают свои выбросы в атмосферу относительно 1990 г. по 6 типам газов в период с 2008 по 2012 г., в том числе ЕС — на 8%, США — на 12, Япония —

на 6%. К концу 2000 г. 84 государства подписали Протокол, а 31 — его ратифицировали.

На Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам устойчивого развития (Йоханнесбург, 2002 г.) были согласованы основные направления по охране окружающей среды. Довольно активно выступали НПО и бизнес-структуры.

Таким образом, экологические проблемы решаются на уровне глобальных МПО с активным привлечением МНПО.

Изменился подход к разрыву между «богатым Севером и бедным Югом».

Необходимость изменения подходов к сокращению разрыва между Севером и Югом остро встала в последние годы в связи с осознанием значимости новых глобальных угроз развитию человечества, таких, как состояние природной среды, нищета, СПИД, наркотики, терроризм и др., достигших особого размаха в условиях развивающихся стран.

В контексте национальных и международных усилий по преодолению разрыва между Севером и Югом важную координирующую роль играют ООН и ее структуры. Так, на Саммите тысячелетия была принята резолюция, провозгласившая главной целью мирового сообщества в сфере поддержки развивающихся стран сокращение к 2015 г. вдвое размеров абсолютной нищеты на земном шаре. В 2001—2002 гг. по инициативе и активном участии ООН состоялся ряд международных конференций, посвященных стратегии помощи самым бедным странам Африки и Азии, программам поддержки здравоохранения, образования, распространения информационных технологий, защиты окружающей среды в регионах Юга.

Их решения предполагают расширение практики списания части долгов, увеличение объемов гуманитарной помощи и стимулирование торговли в развивающихся регионах, а также возможность разработки новых механизмов влияния на кризисные ситуации. Кроме того, было решено создать несколько специализированных международных фондов, в том числе международный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией (10 млрд долл.).

Ныне ООН и ее структуры, занимающиеся проблематикой развивающихся стран, раскритикованы как не вполне эффективные, но есть вероятность, что в недалеком будущем их работа будет реорганизована.

Важную роль в поддержке развития призвано сыграть имеющее многолетнюю историю экономическое сотрудничество между самими странами Юга. Пример попыток решения рассмотренных выше проблем посредством привлечения финансовых

ресурсов стран-экспортеров нефти — деятельность Фонда международного развития, созданного в 1976 г. членами ОПЕК. Среди крупных получателей помощи и кредитов Фонда ОПЕК фигурируют Боливия, Гондурас, Гвинея, Лесото, Сенегал, Танзания, Мали, Руанда, Филиппины. На первый план с середины 1990-х гг. выдвигаются более прагматичные формы международного взаимодействия по линии Юг—Юг. «Локомотивом» таких отношений в обозримом будущем будут выступать не экспортеры нефти, а сложившиеся и формирующиеся группы региональных партнеров — АСЕАН (Азия), МЕРКОСУР (Латинская Америка), План НЕПАД (Африка) В 2001 г. лидеры африканских стран на встрече ОАЕ в Абудже (Нигерия) приняли комплексную программу социально-экономических преобразований, нацеленную на возрождение Африки. В отечественных публикациях он фигурирует как «Новая африканская инициатива» (НЕПАД).

Возможно, со временем появятся и новые формы их многостороннего сотрудничества, например на основе стратегической координации зональных интеграционных процессов, как это предусматривается в деятельности Форума «Латинская Америка — Восточная Азия» 2, или за счет укрепления многостороннего политического, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества нескольких региональных стран-лидеров, как в случае создания летом 2003 г. трехстороннего форума «Индия—Бразилия—ЮАР».

К началу XXI в. наращивание многосторонних усилий по сокращению разрыва между Севером и Югом происходит и благодаря деятельности такой авторитетной международной организации, как Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Созданная в 1960-е гг., она традиционно занимала радикальные позиции в отношении размеров помощи развитых стран бывшим колониальным и зависимым народам.

Важную роль в оказании внешней помощи мировому Югу играют МВФ, ВБ и МБРР, однако международные финансовые институты не являются абсолютными монополистами в этой области. Политика многих западных стран (например, Франции) в отношении третьего мира отмечена традиционной спецификой.

Проблема заключается в том, что пока отсутствует ответ на вопрос о характере формирующейся политической системы мира. Одни авторы склонны видеть в новых ТНА ведущую политическую силу. Исследователи, работающие в неореалистической традиции, напротив, настаивают на том, что нет альтернативы государственно-центристской системе мира. Кроме того,

в настоящее время другого актора, который бы мог взять на себя все функции государства, просто нет.

Пожалуй, все названные подходы уязвимы. Едва ли можно не заметить деятельность негосударственных ТНА, но и сводить все международные процессы только к их активности тоже вряд ли целесообразно. Государства продолжают сохранять за собой ведущий политический ресурс, вступая при этом в сложную систему взаимодействия с негосударственными участниками. Эта система, похоже, все менее жестко разграничивается на два уровня.

Сам процесс становления новой политической системы и неопределенность, которая с этим связана, ведут к тому, что в современном мире все возможно и почти ничего не является точно установленным. В свою очередь «непознанность» нового мира делает его более опасным (прежде всего в психологическом плане), поскольку неясно, какие угрозы и откуда следует ожидать.

Литература

Барановский В.Г. Международные организации как механизмы регулирования международных отношений // *Современные международные отношения* / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000.

Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов // *Международные отношения: социологические подходы* / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

Европейский Союз. Справочник / Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко, И.Д. Иванова. М., 2003.

Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.

Лебедева М.М. Мирный и вооруженный пути развития современных конфликтов: сравнительный анализ. М., МГИМО, ЦМИ. Выпуск 3. 1999.

Миротворческие операции, парламенты и законодательство / Под ред. А.И. Никитина. М., 2004.

Никитин А.И. Международные конфликты и проблемы миротворчества / *Современные международные отношения и мировая политика*. М., 2004.

Раздел «Миротворческая деятельность» Интернет сайта ООН www.un.org
Современные международные отношения и мировая политика // Под ред. А.В. Торкунова. М., 2005.

Федоров Ю.Е. Война в Ираке: политические и военные последствия. Аналитические записки Института прикладных международных исследований. 2003, № 4. М., 2003.

Фергюсон И. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // *Международные отношения: социологические подходы* / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006.

Что может НАТО? Тематический выпуск журнала «Internationale Politik» на русском яз. 2004, № 3; Accord. An international review of peace initiatives. Issue 10. London, 2001.

Chaillot paper. N 87. March 2006.